

Хуа Чжао полупонимающе кивнула и снова сунула наставнику в руки фрукт:

— А учитель потом тоже пойдет с нами собирать фрукты, хорошо?

Цингуань посмотрел на ее сияющие глаза и наконец не удержался, слегка приподняв уголки губ:

— Хорошо.

С того дня, когда даос Цингуань обучал Хуа Чжао тренировкам, он больше не заставлял ее только медитировать и регулировать дыхание.

Он принес чистый лист бумаги для талисманов, но велел ей рисовать не Огненный Талисман, а лишь мягко зажал ее маленькую ручку, прижав ее кончики пальцев к бумаге.

Поскольку ее сила была еще недостаточно стабильна, требовался проводник.

— Тебе не нужно изучать столь жесткие и свирепые техники, как другие. Твоя сила — в травах и деревьях, в жизненной силе, в мягкости.

Хуа Чжао послушно последовала словам наставника, сосредоточив разум и успокоив дыхание.

Вскоре на бумаге медленно пробился крошечный нежно-зеленый росток, а затем распустился маленький прозрачный белый цветок.

Цин У, наблюдавший за этим со стороны, едва не вытаращил глаза:

— Учитель! Что это за заклинание? До чего же красиво!

— Это Техника Зарождения Жизни. Она направляет собственную духовную энергию на питание всего живого. Бумага для талисманов изначально делается из деревьев, и по своей природе это самая подходящая для нее техника.

Цингуань посмотрел на Хуа Чжао, произнеся мягким тоном:

— Другие используют талисманы, чтобы повелевать огнем, а ты порождаешь цветы с помощью ци.

Хуа Чжао посмотрела на только что выросший на кончике пальца цветок и тихо спросила:

— Учитель, мне и дальше всегда придется пользоваться рисованием талисманов?

Даос Цингуань легко покачал головой, его взгляд был мягким, но твердым.

— Нет. Ты отличаешься от остальных.

Он поднял руку и провел над этим маленьким цветком, лепестки которого слегка затрепетали.

— Ты с рождения связана с духовной энергией неба и земли. Когда ты станешь немного сильнее, а твой разум и сила окрепнут достаточно, тебе больше не понадобятся ни бумага для талисманов, ни заклинания.

Хуа Чжао широко раскрыла глаза:

— А как же тогда ее использовать?

— Достаточно лишь одного душевного порыва.

Цингуань посмотрел на нее, выговаривая каждое слово очень медленно:

— Ты захочешь, чтобы распустились цветы, — и цветы распустятся; ты захочешь, чтобы травы и деревья защитили тебя, — и травы и деревья откликнутся. Сила не в бумаге для талисманов — она в твоём сердце, в твоей крови.

Цин У рядом аж языком защелкал:

— Ого, младшая сестрица настолько сильна?!

— Да. — Цингуань слегка кивнул, и его взгляд вернулся к Хуа Чжао. — Просто ты еще мала, твоя сила нестабильна, поэтому пока используй бумагу для талисманов, чтобы успокоить дыхание. Когда ты по-настоящему поймешь, кто ты есть, одно движение мысли станет заклинанием.

Хуа Чжао полупонимающе кивнула и тихонько сжала свои маленькие ручонки.

Она еще не понимала, что такое кровь и плоть, и не понимала, насколько сильным может быть душевный порыв.

Но она запомнила слова наставника:

когда она станет чуточку сильнее, ей больше не понадобится бумага или посторонние предметы,

достаточно лишь пожелать в сердце, и появится сила.

С того дня, как была освоена Техника Зарождения Жизни, для Хуа Чжао будто открылась дверь в новый мир.

Она больше не бегала целыми днями за бабочками и не приставала к Цин У с возней и баловством, а вместо этого часто сидела в одиночестве со стопкой бумаги для талисманов под старым деревом софоры во дворе, тихо и сосредоточенно занимаясь культивацией.

Солнечный свет падал на ее маленькие щечки, согревая их. Следуя наставлениям учителя, она сосредоточила разум и успокоила дыхание, медленно направляя самую мягкую струйку ци из глубин своего сердца к кончикам пальцев.

Нежно-зеленый кончик ростка снова показался на бумаге, трепеща и расправляя листья, и всего через мгновение распустился маленьким жемчужно-белым цветком.

Цин У присел рядом, и его глаза ярко засияли. Он не удержался и протянул руку, желая прикоснуться, но испугался повредить хрупкое чудо, поэтому мог лишь тоскливо смотреть:

— Младшая сестрица, ну до чего же ты сильна! Я учился Огненному Талисману добрых полгода, прежде чем у меня стала появляться хоть крошечная искорка, а ты уже в первый день смогла вырастить цветок!

Хуа Чжао смущенно потрошала себя за макушку от похвалы, ее личико слегка порозовело, и она аккуратно протянула тот цветок вперед:

— Если старший брат любит, дарю его тебе.

— Правда? Спасибо, младшая сестрица!

Цин У принял его, словно какое-то сокровище, и бережно поднес на ладонях так, будто получил самую драгоценную вещь в мире.

Неподалеку даос Цингуань стоял заложив руки за спину, молча наблюдая за этой сценой, и в глубине его глаз мелькнуло легкое подобие улыбки.

Он прекрасно понимал: это вовсе не обычный талант к заклинаниям.

Это была инстинктивная память глубин крови и плоти, духовная сущность, оставленная Творцом в мире людей, — врожденный Духовный Корень, о котором другие могут лишь молить.

Хуа Чжао подняла голову и как раз встретила взглядом с наставником. Она тут же послушно встала, подбежала к нему, задрала маленькое личико, и спросила:

— Учитель, учитель, я правильно так тренируюсь?

— Да, очень правильно. — Цингуань протянул руку, легко погладив ее по макушке, и его голос звучал мягко: — Ценность твоей Техники Зарождения Жизни — в чистоте сердца и в мягкости. Не нужно гнаться за разрушительной мощью, достаточно просто следовать велению сердца.

— А... кроме выращивания цветов, что еще умеет Техника Зарождения Жизни? — Маленькая Хуа Чжао склонила голову набок и с любопытством заморгала.

Цингуань опустил взгляд на куст ландыша у угла двора, почти объеденный насекомыми и едва дышавший, и тихо сказал:

— Хуа Чжао, посмотри на тот ландыш. Попробуй пойти и спасти его.

Хуа Чжао тут же кивнула, быстро подошла к увядающему растению, присела на корточки и бережно приложила свою маленькую ладошку к высохшим листьям.

Она закрыла глаза и, следуя словам учителя, перестала думать о постороннем и о заклинаниях, лишь мысленно прошептав в глубине души:

Оживи.

Прошло всего мгновение.

Светло-зеленое сияние медленно заструилось с ее ладони, собираясь на кончиках пальцев, и эта мягкая сила целиком укутала куст ландыша.

Пожелтевшие, искривленные и источенные червями листья с видимой глазу скоростью становились ярко-зелеными и упругими. Поникший цветочный стебель снова выпрямился, следы от укусов насекомых исчезли, и даже проклюнулся крошечный, свежий зеленый росток.

Цин У остолбенел от изумления:

— Ого! Младшая сестрица, да это же настоящее чудо!

Хуа Чжао и сама удивленно распахнула глаза, ее маленькая ручка все еще лежала на листьях, а в глубине глаз плескалась чистая радость.

Оказывается, ее сила действительно способна вернуть к жизни умирающие травы и деревья.

Цингуань медленно подошел ближе, его голос был спокоен, но полон глубокого смысла:

— Видела? Техника Зарождения Жизни способна исцелить высохшее дерево, залечить раны, постичь все сущее.

Если в будущем тебе встретятся раненые птицы и звери или люди, нуждающиеся в помощи, эти твои руки смогут защитить их.

— Правда? — Хуа Чжао подняла голову, и ее сияющие глаза уставились на наставника.

— Правда, — кивнул Цингуань. — Только ты сейчас еще мала возрастом и твоя сила слаба, запомни: нельзя злоупотреблять ею, чтобы не повредить собственную основу.

— Я все поняла, учитель! — Хуа Чжао изо всех сил закивала маленькой головкой, а ее личико выражало крайнюю серьезность.

Она опустила голову, глядя на свои кончики пальцев, все еще источавшие слабый зеленоватый свет, и в глубине ее сердца тихонько проросло маленькое семечко.

Оказывается, она вовсе не безнадежна в учебе, и у нее тоже есть сила, способная защитить других.

Цин У хлопнул себя по груди и гордо произнес:

— Младшая сестрица, не бойся! Отныне ты отвечаешь за спасение людей, травок и всего живого, а я отвечаю за то, чтобы бить монстров и защищать тебя! Мы непобедимы во всем мире! Ха-ха-ха!

Хуа Чжао рассмеялась над шуткой старшего брата, ее брови изогнулись полумесяцем, а наружу выглянули два маленьких клыка.

Цингуань посмотрел на обоих детей, и на его губах тоже мелькнула легкая улыбка.

Дни в даосской обители текли день за днем, мирно и безмятежно.

Утренний колокол разгонял редкий туман, вечерний барабан провожал закатное солнце, и

маленький дворик был вечно наполнен звонким смехом и атмосферой усердных тренировок юноши и девушки.

Хуа Чжао ежедневно занималась с наставником Техникой Зарождения Жизни: от того, что поначалу удавалось лишь проращивать почки и заставлять листву зеленеть, со временем она научилась легко исцелять упавших на землю и раненых птиц, заставлять засохшие многодневные целебные травы расправлять листья и движением мысли на кончиках пальцев заставлять бутоны распускаться.

Ее сила была мягкой, чистой и прозрачной, словно горный родник, словно легкий ветерок или самое нежное утреннее сияние на вершинах ветвей.

Цин У тоже становился все усерднее: от первых нестабильных талисманов, которые взрывались и заставляли его дохнуть от кашля, он дошел до того, что его Огненный Талисман день ото дня становился все совершеннее, и стоило ему лишь пожелать, как на кончиках пальцев вспыхивало ровное пламя.

Тот самый юноша, что вечно бил себя в грудь и обещал защищать младшую сестренку, в череде ежедневных медитаций, создания талисманов, беготни и взмахов мечом незаметно возмужал, его плечи стали шире, а взгляд — все тверже. Неизменной оставалась лишь данная с детства клятва защищать младшую сестру.

Даос Цингуань часто сидел под галереей, молча глядя на обоих детей, а в глубине его глаз таился легкий, никому не понятный вздох.

Он учил их совершенствоваться, учил быть добрыми, учил сохранять верность изначальному сердцу, но он знал лучше кого бы то ни было: это спокойствие в конце концов временно.

В то утро деревянная дверь обители отворилась под напором широких и сильных ладоней.

Прямая, как сосна, высокая и статная фигура с котомкой за плечами медленно шагала сквозь утренний туман, а поднимаемая уверенными и сильными шагами пыль легко оседала на землю.

Юноша был одет в простое походное боевое облачение, за спиной висел древний меч, подол одежды покрывали следы утренней росы и дорожной пыли, брови оставались спокойными, аура — холодной, но не резкой, а от всей его фигуры исходила солидность, закаленная в скитаниях по цзянху.

Это был первый ребенок, приющенный под началом даоса Цингуаня, — Цин У.

— Учитель.

Он шагнул вперед, с поклоном приветствуя наставника, его голос был уверенным, а макеты безупречными — ни единой капли вольной небрежности странника.

Даос Цингуань слегка кивнул:

— Вернулся.

— Да. Во время странствий удалось кое-чего достичь, специально принес учителю партию редких целебных трав, а также ту самую Траву Конденсированной Росы, о которой учитель упоминал, перелистывая в прошлый раз древние манускрипты.

Цин У аккуратно опустил котомку на землю и раскрыл ее: внутри все было разложено по категориям и аккуратно рассортировано — свежие листья, целые корни, густой лекарственный аромат. С первого взгляда было очевидно, что всю дорогу за ними тщательно ухаживали, не позволяя себе проявить и малейшей небрежности.

Глаза Цин У ярко блеснули, и он тут же подбежал ближе, переполненный искренней радостью:

— Старший брат! Ты наконец-то вернулся! Мы так давно не виделись!

С самого детства он слышал от наставника рассказы об этом старшем брате, который круглый год странствовал повсюду, уничтожая демонов и изгоняя нечисть, поддерживая справедливость. Тот был самым надежным человеком в обители и тем, кем Цин У восхищался больше всего. Он тоже мечтал поскорее достичь совершеннолетия и так же, как старший брат, наказывать зло и творить добро. Однако Цин У каждый раз возвращался лишь на короткое время, и стоило ему немного передохнуть, как он снова уходил с горы, поэтому по-настоящему пообщаться за чашкой чая им выпадали считанные разы.

Хуа Чжао же послушно пряталась за спиной наставника, высунув наружу лишь половину личика и боязливо разглядывая этого старшего брата, с которым виделась по-настоящему впервые.

Она была еще мала, и в ее туманных воспоминаниях лишь смутно теплилось крошечное воспоминание о том, как очень давно этот старший брат вроде бы уже возвращался: высокая фигура, тихий голос, — но глубокого впечатления это не оставило.

Взгляд Цин У мягко опустился на нее и на мгновение задержался.

Стоявшая перед ним девочка теперь расцвела по сравнению с моментом их первой встречи, черты ее лица смягчились, напоминая крошечное, чистое облачко, а глаза были столь прозрачными, что в них не содержалось ни капли примесей.

Его обычно холодные и суровые струны сердца в этот миг невольно смягчились.

— Поскольку с момента моего прошлого возвращения прошло много времени, я все же решил спросить на всякий случай: это младшая сестренка Хуа Чжао?

— Да. — Цингуань сухо отозвался, наклонившись, чтобы начать подсчет трав в котомке.

На середине счета он слегка нахмурился:

— Трава Конденсированной Росы, о которой ты говорил, похоже, здесь отсутствует. Эта трава критически важна для гармонизации духовной энергии, без нее нельзя.

Цин У опешил и поспешно опустился на корточки, чтобы проверить:

— Ученик ведь собрал ее сполна, всю дорогу тщательно берег, сверток из рук не выпускал, потерять не мог...

Пока все пребывали в недоумении, атмосфера слегка сгустилась.

Меньшая Хуа Чжао, все это время тихонько жавшаяся сзади, вдруг подняла личико и тихо подала голос — ее тон был нежным, но отчетливым:

— Учитель, старший брат, я... я видела такую траву на краю обрыва на задней горе.

Листья круглые, целиком свежие и нежные, по утрам на них висят капельки воды, блестящие такие, очень красивые.

Цин У посмотрел на нее, в его глазах промелькнуло удивление:

— Сестренка действительно помнит, как выглядит эта трава?

— Помню! Я раньше тайком играла в комнате наставника и видела ее в книгах! — Хуа Чжао усердно закивала, ее личико выражало крайнюю серьезность, будто она боялась, что ей не поверят. — Когда я в прошлый раз гуляла на задней горе, то видела несколько кустиков, очень хорошо запомнила.

Цин У немного подумал и обратился к даосу Цингуаню со спокойным видом:

— Учитель, я отведу младшую сестру на заднюю гору поиски, мы быстро заберем ее и задержки с лекарством не будет.

Цингуань глубоко посмотрел на Хуа Чжао — в этом взгляде читались тревога и нежелание отпускать, но в конце концов он легко кивнул:

— Вы двое, будьте во всем осторожны. В тех местах густой туман, тропа скользкая, поросла мхом, держитесь подальше от обрыва и ищите неподалеку.

— Ученик понял.

Маленькая Хуа Чжао не знала, что этот на вид обычный поход за травой станет для ее пути совершенствования самым пугающим, но и самым решительным шагом взросления.

Она лишь сжала маленькие кулачки, изо всех сил распрямила крошечную грудку и тихонько поплелась за старшим братом, шаг за шагом направляясь вглубь задней горы.

Она хотела доказать, что тоже может принести пользу.

И хотела, чтобы учитель, первый старший брат и третий старший брат знали —

она больше не та кроха, что умеет лишь прятаться за чужими спинами.

Чем дальше они продвигались вглубь задней горы, тем гуще становился туман.

Влажная и холодная взвесь оседала на волосах и одежде, от самих трав веяло зловещей, промозглой тишиной, и даже привычного звонкого щебетания птиц теперь не было слышно ни звука.

Цин У шел впереди, прямой, как сосна, ежесекундно настороженно оглядываясь по сторонам и время от времени оборачиваясь, чтобы бросить предупреждение:

— Держись ближе ко мне, не отставай, под ногами мох, иди медленнее.

Хуа Чжао послушно откликалась, семена маленькими ножками и не смея баловаться.

Она твердо помнила, что пришла сюда помогать, поэтому сжала кулачки и старательно лупила глазами сквозь пелену тумана, отыскивая круглые листочки с каплями росы из своих воспоминаний.

— Старший брат, прямо там...

Она протянула палец в сторону края пропасти неподалеку, где сквозь дымку смутно виднелись несколько стебельков травы: округлые листья, капельки росы на кончиках, едва мерцающие во влажном воздухе.

Взгляд Цин У сузился, и он тут же протянул руку, преграждая ей путь назад:

— Пой, не подходи к краю обрыва, здесь опасно.

Едва его слова зазвучали, как грянула беда.

Нога Хуа Чжао резко соскользнула, будто она наступила на пропитанный туманом мягкий мох, и ее крошечное тело вмиг потеряло равновесие.

Окружавшие их зеленые горы, туман и обрыв рухнули, расколовшись подобно разбитому зеркалу.

На смену им пришла бескрайняя тьма.

Бесчисленные извивающиеся, грубые и источающие тошнотворный запах корни деревьев безумно вырвались из-под земли, словно ядовитые змеи оплетая ее руки, ноги и талию так, что ей стало нечем дышать.

Острый, пронзительный и злобный смех разносился эхом по темноте снова и снова:

— Малышка... сама принесла жизненную силу... как раз то, что нужно для подпитки...

Иллюзия Демона-Дерева.

Хуа Чжао затряслась от страха, слезы мгновенно брызнули из глаз, но она до крови прикусила губу, не смея издать ни звука.

Она попыталась задействовать обученную наставником Технику Зарождения Жизни, но от охватившей ее паники духовные силы сбились в хаотичный ком, и на кончиках пальцев не удавалось собрать даже намека на зеленое свечение.

В тот самый миг, когда холодные корни сжались еще сильнее, а страх смерти вцепился в ее сердце, она вдруг вспомнила о том, что лежало в кармане:

о маленьких Огненных Талисманах, которые дал ей третий брат Цин У, боясь, что она попадет в беду;

и об обережном талисмани, который наставник лично передал ей, наказав держать при себе.

Трясущимися ручонками она из последних сил вытащила пачку выданных третьим братом бумажек с огненной духовной энергией и принялась безумно метать их во все стороны.

— БУХ! Бух-бух-бух! Взрывы зазвучали один за другим!

Бесчисленные вспышки пламени разорвали темноту, заставив подступившие корни отступить и предоставив ей временную передышку.

Но то ли сила была слишком слаба, то ли демон-дерево чересчур силен — пробить охватившую их со всех сторон иллюзию не удавалось.

Безумный смех демона стал еще пронзительнее:

— С такой силой ты даже не пощекочешь меня! Сдавайся без боя!

Огромная черная тень рухнула сверху, и отчаяние мгновенно захлестнуло ее.

...ваш универсальный причал для чтения романов.

Ей было так страшно.

Но еще сильнее она боялась другого —

что снова окажется обузой.

Что снова заставит волноваться учителя, отвлечет старшего брата и заставит всех спасать ее, бесполезную малявку.

В этот самый критический момент на волосок от гибели —

— Дзззынь! —

Острейший до предела меч рассек тьму подобно громовому раскату!

Меч сиял морозным блеском, пронизывающий холод добирался до костей, целя прямо в сердце иллюзии!

Оплетавшие тело корни мгновенно разломились на дюймовые кусочки.

Тьма рассеялась, иллюзия рухнула.

Хуа Чжао вывалилась обратно в реальность, падая в надежные и крепкие объятия.

Лицо Цин У было слегка бледным — очевидно, он потратил немало духовной силы, а на висках

выступал мелкий пот, однако взгляд, брошенный на нее, был невероятно мягким и уверенным:

— Все в порядке, я здесь.

В тот момент, когда ее надежно прижали к груди, Хуа Чжао больше не смогла сдерживаться и горько расплакалась.

Не от боли, не от страха — от обиды, пережитого ужаса и глубокого несогласия.

Цин У крепко прижал ее к себе и быстро дошел до края обрыва, сорвав ту самую Траву Конденсированной Росы, после чего понес младшую сестренку обратно в обитель.

Стоило Цин У увидеть перепачканное грязью личико младшей сестры и заплаканные глаза, как его сердце мгновенно сжалось в комок. Охваченный растерянностью, он бросился к ней:

— Сестренка! Что с тобой? Ты испугалась? Где-то болит? Скажи старшему брату!

Хуа Чжао утирала слезы, ее плечики вздрагивали от всхлипываний, однако она резко подняла голову, посмотрела на Цин У, затем на Цин У, а в конце — на наставника Цингуаня.

Ее маленькие кулачки были крепко сжаты, слезы все еще капали из глаз, но взгляд пылал невероятной решимостью, и каждое слово звучало предельно серьезно:

— Учитель... я больше не буду лениться...

Цин У опешил.

— Я буду усердно тренироваться и хорошо изучать Технику Зарождения Жизни.

Она шмыгнула носом, и хотя в ее голосе все еще слышались плаксивые нотки, звучал он непреклонно:

— Я не хочу вечно быть под вашей защитой.

Я тоже хочу... защищать вас.

Цин У стоял рядом, глядя на эту крошечную девчушку, которая сквозь слезы заявляла о желании стать сильнее,

и в глубине его обычно спокойных и холодных глаз впервые проступили искреннее умиление и

одобрение.

Даос Цингуань легко вздохнул, шагнул вперед, и его теплая ладонь опустилась на ее макушку, а голос звучал мягко и твердо:

— Раз поняла, значит, хорошо.

С сегодняшнего дня занимайся усердно, а мы с твоим третьим братом будем приглядывать за тобой со стороны.

Однажды твоя Техника Зарождения Жизни сможет защитить все, что ты пожелаешь сберечь.

Закат пробился сквозь карнизы даосской обители, вытягивая тени фигур в длинные силуэты.

Та самая Хуа Чжао, что вечно капризничала, убегала куда попало и таскалась хвостом за старшими братьями,

в этот день, после пережитого в кошмарной иллюзии потрясения, тихонечко повзрослела.

Годы текли в круговороте дней и ночей обители, незаметно пронеслось несколько зим и весн.

Та плачущая девчушка, что клялась стать сильнее, теперь утратила часть детской наивности, вытянулась, а ее черты лица стали еще мягче и изящнее.

Технику Зарождения Жизни она отточила до совершенства: стоило ей лишь слегка приподнять кончики пальцев, как засохшие деревья вновь оживали, а раны и переломы срастались. Даже сам наставник Цингуань порой смотрел на нее взглядом, полным никому не ведомого глубокого смысла.

Цин У к тому времени тоже превратился в статного юношу с соболиными бровями и звездными глазами, чье искусство владения Огненным Талисманом стало еще опаснее, сделав его полноправным столпом обители.

В этот день даос Цингуань позвал обоих к себе.

На столе лежал новый комплект чистых и аккуратных синих походных одежд — именно такой наряд подходил отправляющимся на странствия юным адептам.

— Цин У, в этом году тебе исполняется шестнадцать, пришло время спуститься с горы для закалки.

Голос Цингуаня был спокоен. Он достал излучающий морозное сияние меч длиной в предплечье и протянул его юноше. В этот момент церемонии совершеннолетия его голос приобрел не допускающую возражений торжественность.

Цин У всем телом задрожал, шагнул вперед, принял меч, а в его голосе смешались радость и испуг:

— Учитель...

Он ждал этого дня так долго, но когда настал момент расставания, сердце до краев наполнилось тоской.

Он инстинктивно посмотрел на стоявшую рядом Хуа Чжао.

Малышка задрала голову, глядя на него, длинные ресницы слегка трепетали, а в глазах уже стояла влага.

— Старший брат... ты уходишь?

Ее голос звучал тихо, с примесью обиды и неодолимой тоски.

Сердце Цин У смягчилось, и он торопливо кивнул:

— Да, старший брат должен спуститься с горы, чтобы завершить закалку.

— А когда ты вернешься?

— Я... — Цин У запнулся. Путь странствий внизу полон неизвестности, это займет от силы год-два, а то и дольше, и он сам не мог сказать наверняка.

Хуа Чжао опустила голову, пальцами теребя край одежды, а ее веки краснели все сильнее.

Все эти годы старший брат сопровождал ее на тренировках, ходил с ней собирать фрукты, разговаривал, защищал, когда было страшно, и составлял компанию в одиночестве.

Она не смела и думать о том, как опустеет обитель без старшего брата.

Цин У до боли в сердце глядел на ее готовый расплакаться вид, но мог лишь мягко утешить:

— Сестренка, будь умницей. Старший брат станет сильнее в миру, а когда вернется — сможет

защищать тебя еще лучше.

<http://bllate.org/book/20121/1989464>